

Олег Усенко,
кандидат исторических наук

КАК СТАТЬ СУЛТАНОМ И ЦАРЁМ ОДНОВРЕМЕННО *Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I **

Отечественные самозванцы были в массе своей людьми оригинальными и изобретательными. Выдавать себя за царя московского либо его наследника многим казалось мелковато. В эпоху Петра Великого неподалёку от Рязани объявился самый что ни на есть турецкий султан...

№ 32. «Турский салтан (царь)» [1709 ? – сентябрь 1714 ?]; «Белый царь» [1 октября – 14/31 декабря 1714 ?] – Григорий Семионов сын

Этот самозванец был российским подданным, православным и, видимо, русским. Дата его рождения неизвестна. Можно лишь полагать, что к началу самозванства он был старше двадцати лет. Нет сведений и том, где он появился на свет и кто были его родители. При этом его крестьянское происхождение сомнений не вызывает.

Примерно в конце 1707 года Григорий поселился в деревне Молодинки Переяславль-Рязанского уезда, которая тогда «была за Сергеем Фёдоровым сыном Головиным», а около 1714 года перешла к Леонтию Михайлову сыну Глебову. Предположительно в 1708-м Семионов женился «той же деревни на крестьянке вдове Авдотье Аврамовой прозвище Кобяковой». Но для местных он так и остался чужаком: в их показаниях постоянный эпитет – «пришлой крестьянин». Быть может, свою роль сыграло то, что у него не было духовного отца. Тем не менее Григорий стал полноправным членом сельской общины – получил земельный надел («жил на крестьянском пахотном жеребью») и свободно ходил в гости к односельчанам («хаживал по крестьянским дворам»). Очевидно, у него был свой дом и хозяйство, поэтому к беднякам относить его не стоит.

Бог знает, что с ним произошло, но примерно в 1709 году Григорий стал считать себя турецким султаном. Скорее всего, он «проявился» перед односельчанами. Те ему не поверили, но и властям не донесли. Григорий остался на свободе и даже сохранил свой статус в крестьянской общине. Правда,

* Продолжение. Начало см.: Родина. 2006. № 6–10, 12; 2007. № 1–3.

у окружающих возникли сомнения в его нормальности.

Эти сомнения под влиянием дальнейшего поведения Семионова только усилились. В конце концов его стали считать не только безумцем, но и пьяницей. Односельчане потом вспоминали: «И был тот Григорей малоуменен, а временем бывал от пьянства во иступлении ума. И живучи лет с шесть, хаживал по крестьянским дворам и в том безумстве говаривал: "Я де пан, а жена моя панья"». Поп Григорий Антипов, живший в селе Горки Коломенского уезда (вотчина стольника Юрия Нелединского-Мелецкого), которое лежало от Молодинок в двух-трёх верстах, показал вот что: «И пришлой крестьянин Григорей...будучи в безумстве и во пьянстве, в той своей деревне по крестьянским дворам и в селе их Горах о празднике Николая Чюдотворца (9 мая и 6 декабря. – О. У.) бывал, и в безумстве ж и в пьянстве

говаривал: "Я де турецкой салтан". И про то безумство ведают той деревни Молодинок все крестьяне и других деревень крестьяне ж, которые живут от той деревни Молодинках в близости».

Не исключено, что у Семионова и на самом деле была психопатология. Но это был не единственный признак его самозванства. Сильное влияние на него, судя по всему, оказали слухи о том, что «бояре» подменили Петра I шведом. После этого он поменял мифическую ипостась – возвёл себя в сан российского государя. В этом качестве он публично предстал, видимо, 1 октября 1714 года. Новое «проявление» имело место всё в той же деревне Молодинки – в доме крестьянина Федота Леонтьева сына Фомина (Кобякова) на пирушке в честь праздника Покрова Богородицы. Один из шести очевидцев – работник попа Григория Антипова Василий Тарабукин – впоследствии рассказывал вот что: «Да у того ж Федота были в гостях же той же деревни пришедший крестьянин Григорей... и другие той же деревни крестьяне. Пили вино и пиво, имели разговоры о крестьянском житье. И в тех разговорах говорил... Григорей всем вслух: "Я де был турецкой царь, а ныне де стал я на царстве Белой царь; и царя де у нас на Москве нет – это де у нас на царстве швед подменён"; а как подменён, не выговорил; и велел себя взять и весть к Москве, а для чего – не выговорил же. Те ево, Григорьевы, слова слышали свидетели: хозяин Федот и гости ж – той же деревни Молодинок крестьяне Фёдор Сазанов, Евтифей Фомин, Филип Слукин, Иван прозвище Менщиков».

Что касается планов Семионова насчёт Москвы, то, по всей видимости, он собирался взойти на трон. Что же до свидетелей «проявления», то никто самозванца не связал, не повёз в город и не донёс властям. И дело, видимо, не только в том, что Григорию веры не было. Возможно, люди боялись, как бы выдача его властям, раз он сам об этом просит, не была воспринята в качестве пособничества ему.

По словам Тарабукина, Григорий тогда же, 1 октября, покинув дом Федота Фомина и «ходя по крестьянским дворам, вышеписанные непристойные слова говорил же и кричал: "Повезите де меня в Москву!" И крестьяне де к Москве ево не повезли ж и уничтожили... А после того праздника Покрова о празднике ж Николаеве дни зимняго (6 декабря – О. У.) был тот Григорей у праздника ж в... селе Горках у обедни и после обедни, вышед ис церкви, сошед с паперти, кричал всенародно и говорил те ж... непристойные слова. Да и кроме той церкви, будучи в том селе у праздника у крестьян с неделю, те слова в крестьянских дворах да у попа Григорья Антипова говорил вслух же. И он де, Тарабукин, говорил многим крестьяном... чтоб того Григорья они отвезли в город или к Москве и о непристойных словах известили. И крестьяне де сказали: "Это де он врёт", – а не известили ж».

Вскоре Семионов умер – видимо, между 14 и 31 декабря 1714 года. Как поведали односельчане, он, «будучи в безумстве,

[с. 54]

зарезал сам себя ножом до смерти. И мёртвое тело зарыто в поле, а у церкви погребать ево не велено по указу архиерейскому для того: умре бес покаяния и отця духовного не имел».

Официальные власти о нём узнали только 4 или 5 ноября 1721 года, когда уже известный нам Василий Тарабукин, оказавшийся беглым рекрутом, разбойником и вором, сделал донос в Преображенском приказе. Извetchик не ведал или не захотел сообщить, что самозванец уже умер, поэтому началось обычное следствие. В Москву доставили очевидцев «проявлений» и самозванческих «разглашений» – попа Григория Антипова и крестьян из Молодинок. Бывшие односельчане самозванца успокоили следователей, сообщив, что он давно – «тому осмой год» – умер. В конце января 1722 года следствие было прекращено.

Источник

РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1274.

№ 33. «Государь» (вождь рода?) [1710/1735 ? – 7 февраля 1745] – Хаска Ваносов сын (после крещения Иван Михайлов)

Это, по всей видимости, первый лжемонарх, «проявившийся» в Сибири. Он был российским подданным. На взгляд современников-русских, Ваносов по национальности был «самоядец (самоядин)», то есть самодиец. Вообще-то к самодийцам относятся ненцы, энцы, нганасаны и селькупы. Наш герой, скорее всего, был ненцем.

Во-первых, до ареста он жил на территории, где ненцы обитали издавна и обитают поныне, – когда-то она именовалась Обдорским краем, потом входила в Обдорскую волость Берёзовского уезда, а теперь входит в Ямало-Ненецкий национальный округ Тюменской области (Обдорск – старое название Салехарда). Во-вторых, под «самоядцами» северо-западной Сибири традиционно понимаются ненцы. В-третьих, самозванец не знал «остяцкого» языка (под «остяками» здесь нужно видеть, очевидно, хантов); равно как «и русские, и остяки, и татары» не понимали его языка. Наконец, до ареста Ваносов был язычником, а из аборигенов Западной Сибири до конца XVIII века не были крещены лишь обдорские ханты, ненцы, часть энцев и нганасаны, кочевавшие в далёких северных тундрах.

Итак, будущий самозванец родился, по всей видимости, в Обдорской волости Берёзовского уезда Сибирской губернии. Его родные места были удалены от центра губернии – Тобольска более чем на две тысячи вёрст.

Даты его рождения в материалах следствия нет. Возможно, Ваносова не спрашивали об этом. Но могло быть и так: спросили, однако вразумительного ответа не получили. Не забудем, что самозванец вырос в условиях бесписьменной культуры, а «представители бесписьменных народов, как правило, не знают своего индивидуального хронологического возраста и не придают ему существенного значения»¹.

В июле 1745 года следователи отмечали, что «оной самоядец имеетца весма в древней старости, к тому ж вес[ь] дряхл и почасту бывает болен», «а всех указных ему, Ваносову, розысков за весма древнею ево старостию и дряхлостию не учинено...». По мнению митрополита Тобольского и Сибирского Сильвестра, в 1751 году самозванцу было более 80 лет. При этом иерарх видел, что подследственный «дряхл и ногами болен», «а под час ненастья... одною ногою едва и владеет», поэтому-то и сделал вывод, что Хаска пребывает в «глубокой... старости и немощи». Однако можно полагать, что Хаске тогда было не более 60 лет. Он жил в «раннеклассовом» обществе², а средняя продолжительность жизни в подобном социуме составляла 45–50 лет. Причём организмы людей, достигавших этого рубежа, были примерно в таком же состоянии, как у наших современников 70–, 80-летнего возраста³. Если наши рассуждения верны, то самозванец родился примерно в 1690 году.

О его внешности сведений нет. Но вряд ли он сильно отличался от типичного самодийца, который в конце XIX века выглядел примерно так: рост около 1,50–1,60 м; кожа смуглая, желтоватая; волосы большей частью чёрные и тёмно-каштановые, прямые, жестковатые; борода редкая, негустая; сложение коренастое, кисти и ступни небольшие; голова широкая; нос мал и короткий, но не приплюснут, часто правилен; скулы большие и выдающиеся; глаза карие, узкие, со вздутыми веками, которые отчасти скрывают ресницы; одежда и обувь из шкур зверей, преимущественно оленей.

Думается, и образ жизни Ваносова до ареста был типичным для самодийцев XVIII века. Их важнейшими занятиями были оленеводство, рыболовство, морской промысел (добыча китов, тюленей, моржей) и охота на белых медведей, диких оленей, пушных зверей и птиц. Стоит заметить, что в XVIII веке ненцы ещё не были кочевниками, они жили посёлками с постоянными жилищами в виде землянок. Была у самодийцев и внешняя торговля: на

экспорт шли оленьи кожи и пушнина. Кроме того, пушнина поставлялась царским управителям в качестве особого налога – ясака. При его раскладке использовались родовые пережитки. Род был основной фискальной единицей, за которой закреплялись ясачные плательщики. Переходы из одного рода в другой запрещались. Все аборигены Сибири, обложенные пушным налогом, составляли категорию «ясачных инородцев». Не случайно в материалах следствия наш герой фигурирует как «ясашной самоедин».

Но Ваносов если и контактировал с русскими людьми, то спорадически и недолго. Следователи выяснили, что он «никакого нигде доньше... русских людей обхождения не видал» и что «не толко русского, но и остяцкого и никакого другаго языка, кроме своего самоедского, не знает». Впрочем, с хантами, ближайшими соседями ненцев, Ваносов должен был встречаться чаще – хотя бы потому, что столкновения и войны между представителями этих этносов стали уже традицией. При этом пленники обращались в рабство.

Можно также полагать, что ещё до «проявления» Хаска женился. Известно, что у него был сын Гылпат. Быть может, у него были ещё дети. Уверенность в том, что Ваносов вступил на путь самозванства уже в качестве семьянина, объясняется следующим: в традиционном обществе без женитьбы мужчина не мог обрести полноправия, а только полноправный был вправе притязать на статус, «похищенный» Ваносовым.

Он обвинялся «в назывании себя Государем» и в том, что «тем словом страшал... всю свою братью, самоед». На следствии он признался: «А Государем он, Хаска, подлинно назывался для того, чтоб ево ясашные самоедцы боялись и обид бы никаких ему не чинили»; «Государем де он, Ваносов, назывался с простоты своей против ево братьи, самоедцов, дабы оне ево, Ваносова, почитали и боялис...»

Раз он добивался почитания, то можно заключить, что им руководило стремление не только к власти, но и к материальному благополучию, ибо в традиционном социуме одна из форм «почитания» – это подношения, дары⁴. Но в таком случае накануне «проявления» Хаска был, видимо, беден – даже по меркам далеко не изобильного ненецкого общества.

Слово «государь» – явно русский эквивалент ненецкого звания. Но какого? Крайне сомнительно, чтобы абориген Крайнего Севера, никогда не живший среди русских, мог изображать члена династии Романовых и в этом качестве добиться от сородичей признания, пусть и внешнего. Скорее всего, Ваносов претендовал на статус ненецкого «князьца» или «князька». Такими словами русские обозначали старейшин и вождей сибирских туземцев.

«Князьцы» подчинялись русским воеводам, но были автономны в области внутреннего управления. При этом, согласно историку И. Э. Фишеру (1697–1771), «князец владел не полновластно, ибо народ имел столь же великое право на него, как он на народ; однако власть его в решении спорных дел была больше, чем другого». Г. Ф.

[с. 55]

Миллер (1705–1783) писал о сибирских «князьцах», что «между ними и действительными князьями не находится никакого подобия. Всё преимущество состоит в том, что перед прочими более богатства имеют или что они многоречивы и потому за умных почитаются и простые люди в происшедших между собою ссорах за судей и за посредников их принимают. Кроме сего никакой власти над народом не имели».

В XVII–XVIII веках у ненцев, как и других народов северо-западной Сибири, шло разложение первобытного строя. Хотя старейшин и вождей, как правило, по-прежнему выбирали, власть военных предводителей усиливалась, и они всё чаще игнорировали решения родовых собраний и мнение старейшин.

Поскольку старейшины были, как правило, людьми почтенного возраста, а Ваносов, как увидим, прибегал к физическому насилию и значит был крепок, соответственно и не стар, то, очевидно, он стал родовым вождём. Он лжемонарх потому, что присвоил высший в

ненецком обществе титул, нарушив обычай выборности управителей, и создал свою собственную сферу властвования.

Вряд ли Ваносов стал «государем» в возрасте старше 45 лет и моложе 20 лет – его «проявление» состоялось между 1710 и 1735 годами. Но, видимо, не все сородичи Ваносова оказались готовыми ему подчиняться, поскольку «проявление» сопровождалось кровопролитием. Донос на самозванца содержал обвинение «в смертных убийствах». На следствии «он, Ваносов, показал: убито де им в разные времена ясашных самоедцов в случившейся между собою ссоре до смерти пять человек, а более де того других никого – как из русских, так и из ыноземцов – он, Хаска, до смерти не бивал».

Судя по концовке этого признания, Хаска не участвовал в набегах на владения крещёных «остяцких князей» в Берёзовском уезде. Набеги совершались примерно с 1720 года, и в ходе их отряды «самоедов» грабили и убивали христиан. Достичь успеха в наведении порядка царским властям удалось лишь в 1744-м, когда были арестованы и повешены четверо предводителей мятежников.

Примерно в это же время сибирская администрация узнала и о Ваносове. На него донёс «Берёзовского де уезду ясашной самоедин Сади Тудулисов, пришед в Обдорской острог в ясашную избу к ясашному зборщику пятидесятнику Поленову...». Очевидно, местные власти сразу же отправили команду на поимку самозванца. Его доставили в Обдорск, а потом вместе с изветчиком отправили в Берёзов, откуда 25 января 1745 года их отослали в Тобольск. Туда изветчик и самозванец прибыли 7 февраля. Их поместили в тюрьму, функцию которой выполняла гауптвахта при Сибирской губернской канцелярии. В тот же день их вызвали на «секретные роспросы», и Хаска принёс «Ея Императорскому Величеству повинную», то бишь отказался от присвоенного статуса.

28 мая «Хаска Ваносов приведён был в застенок, которой по свидетельству явился весьма болен, однако ж чрез толмача – берёзовского казачья десятника Дмитрия Ускова – роспрашиван секретно». Он вновь повинился в самозванстве и убийстве пяти «самоедцев», но добавил, что «умыслу никакова у него, Ваносова, подлинно не было, и другим – как руским, так и иноземцом – Государем он, Ваносов, не назывался, и ни от кого ему, Ваносову, научения и в том назывателстве согласников не было ж...»

12 июля его подвергли пытке – несмотря на слабость Хаски, из-за которой «ко оному розыску в застенок приношен был караулными на руках». Ему дали 11 ударов кнутом, но ничего нового следователи не узнали. 26 июля было решено пытаться самозванца вновь, но сия участь его миновала. Объяснение этому содержалось в «доношении», отправленном 18 января 1746 года в Тайную канцелярию: хотя Ваносова и следует пытать, но «указных розысков за древнею ево старостию и болезнию произвесть невозможно, к тому ж опасно, чтоб он на виске не умер, и от того б Сибирской губернской канцелярии не приттит в ответ». Тобольские чиновники также просили указа о том, что с ним дальше делать.

Ждать пришлось более пяти лет. Между тем 19 апреля 1751 года «доношением» в Сибирскую губернскую канцелярию «з гобвахты от караулных обер-афицеров» было «объявлено, что оной самоедец Хаска Ваносов пожелал креститца и восприят греческую кафалическую веру». 22 апреля «оной самоедец для восприятия святаго крещения отослан к преосвященному Силвестру, митрополиту Тоболскому и Сибирскому при промемории и притом требовано: когда он, Ваносов, по церковному чиноположению объявленное святое крещение воспримет, тогда б благоволил Его Преосвященство прислать ево, Ваносова, в Сибирскую губернскую канцелярию обратно».

Сильвестр обнаружил, что для общения с Хаской необходим «толмач» (переводчик). «И тогда ж де по востребованию Его Преосвященства при словесном от генерал-мазора и Сибирской губернии губернатора Сухорева (речь об Алексее Михайловиче Сухарева. – О. У.) объявлении прислан был к Его Преосвященству знающий несколько самоедской язык Сибирского драгунского полку аудитор Михайло Оболтин, чрез которого толмачество означенной самоед Хаско о желании восприятия им святаго крещения в подтверждение присланной о том из Сибирской губернской канцелярии промемории сказкою в духовной Его

Преосвященства консистории показал, что де он принять христианскую веру и святое крещение всеусердно и непременно желает подлинно, а не притворно, и не ради убежания за содеянное им дело казни, но для вечнаго души своей спасения, то о крещении своём желание возымел, в том и утвердился. И по оному де требованию и по ево желанию оглашён молитвою и наречён Иоанном того ж апреля 25 числа...» Крещение происходило в Тобольском соборе

[с. 56]

Преподобных Отцов Печерских. Восприемником был Оболтин, поэтому самозванец обрёл прозвище-фамилию Михайлов.

20 июня прокурор Сибирской губернии Егор Елисеев отправил генерал-прокурору Сената «рапорт» с описанием следствия по делу Ваносова, очередной просьбой прислать указ о нём и сообщением, что «с восприятия... святаго крещения ходил он без всякого определённого за ним караулу куда похочет в городе Тоболске по воле, в чём не без сумнения есть, дабы он не учинил куда утечки». 26 июля сенаторы постановили, дабы Хаску «до будущаго об нём указу содержать в Тоболске в мужеском монастыре безисходна, доволствуя ево при том надлежащею пищею, и смотреть того, чтоб всегда на молитвословие к церкви святей хождение имел». Это решение вошло в царский указ от 29 июля, полученный в Тобольске 23 сентября.

Однако митрополит Сильвестр отказался не только сослать самозванца в монастырь, но и вернуть его в распоряжение губернской канцелярии. На повелительные «проме́мории» оттуда иерарх отвечал посланиями в том духе, что Ваносову лучше находиться под его присмотром. Архиерей писал, что держит при себе Хаску «для лутчаго в христианской вере утверждения и наставления», что тот «никуда по своей воли и бес караулу... не ходит, и ходить де за древнею своею старостию и за ножною болезнию не может... и ходить де ему из дому архиерейского без толмача... не х кому и не для чего...». К тому же «монастырь де мужеской в Тоболску имеетца точию един, в котором... до посылки по винам в другие монастыри колодников немало случается в содержании», и новокрещёному «приличнее быть... при доме Его Преосвященства, нежели де в монастыре между колодники». Следователи не могли стерпеть подобного отношения к себе, и 12 октября отправили в Сенат «рапорт», а фактически донос на владыку.

Итак, с 25 апреля 1751 года Ваносов пребывал в доме Сильвестра, который явно проникся к нему. Самозванец жил в келье «с первенствующим, обретающимся при Его Преосвященстве иеродиаконном» и с ним ходил «повседневно и завсегда на молитвословие в соборную церковь к вечерням, утрениам и литургиям»; еду же Хаске давали «от трапезы Его Преосвященства». За Ваносовым постоянно следил «пристав», которому в июле «безотлучно» стал помогать присланный из губернской канцелярии «берёзовской служилой, а самоедского языка толмачь Фёдор Палтырев».

10 августа самозванец подал владыке «прошение о сообщении в Сибирскую губернскую канцелярию, чтоб сына ево родного, обретающагося в Берёзовском уезде, самоедца ж Гылпата Хаскова для свидания с ним привести в Тоболск, с коим сыном своим он, новокрещёной Михайлов, при глубокой своей старости и немощи в нынешнем ево по восприятии святаго крещения состоянии пожелал свидетца и персонално увещавать как того сына своего, так и других самоедцов, своих сродников, по тому ж к восприятию христианския веры и святаго крещения, и для того б по оного сына ево означенного толмача Палтырева послать ис Тоболска нарочно...». На взгляд Сильвестра, эта просьба объяснялась тем, что Хаске понравились «русские обычаи». Митрополит поддержал прошение, и 21 августа толмача отправили в Берёзов «с указом».

Но до этого «разов три или четыре с толмачём же, а не один, хаживал он, новокрещёной, для скуки своей в кремль к караулным офицером на гоубтвахту, которые де от дому архиерейского не далее как толко в дватцати сажнях...» Получается, что самозванец, пока сидел в тюрьме, чуть ли не подружился со своими охранниками. Но что более удивительно, 20 июля Ваносов вместе с губернатором «при губернаторской свите и ординарцах», а также, видимо, с митрополитом ездил «в село Абалацкое для поклонения по должности христианской чудотворному Пресвятыя Богородицы образу...»

Были у ненецкого «государя» и другие отлучки из архиерейского дома. Между 25 апреля и 4 октября 1751 года он «в некоторые праздничные скоромные дни в дом к генералу-маёру и сибирскому губернатору Сухореву и другим немногим известным и честным лицам и х крестному ево отцу... аудитору Аболтину, также и с ним, Аболтиным, х крестной ево матери разве когда случалось толко обедать, и то де с показанным же служилым толмачём, а до определения де того толмача и по отпуск ево – за приставом, а не один, и с дозволения де Его Преосвященства ко оным в дома призыван и отпущан был под надлежащим присмотром – для того, что де он бес провожатого за ним ни людей, ни улиц, ни квартир не знает...»

Последние сведения о Ваносове содержит «промемория» владыки, полученная в губернской канцелярии 27 октября 1752 года. Сильвестр писал, что «содержащейся в доме архиерейском в надлежащем смотре новокрещёной самоядин Иван Михайлов... октября на 26 число, быв в болезни [волею] Божией умре и погребён же при тоболском... соборе. Пред кончиною же де святой исповеди и елеопомазанию и Божественных тайн тела и крови Христа, Бога нашего, причастия удостоился».

Соответствующий «рапорт» в Тайную канцелярию был послан 10 ноября. На этом дело о самозванце было закрыто.

Источники

РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1005; Д. 266. Ч. 40. Л. 245; Д. 278. Ч. 13. Л. 162; Ф. 248. Оп. 6. Кн. 335. Л. 278 об. – 493; Оп. 113. Д. 840.

Примечания

1. Кон И. С. Ребёнок и общество. М. 1988. С. 95.
2. См.: Карцов В. Г. Очерк истории народов северо-западной Сибири. М. 1937. С. 10–11, 14–15, 23, 25, 55, 92; История Сибири. Т. 2. М. 1965. С. 193–194, 247–248, 298–299.
3. См.: История первобытного общества: Эпоха классового образования. М. 1988. С. 311; Жерневская И. И. Чаша пятого ангела. М. 1976. С. 5.
4. См.: Кобищанов Ю. М. Полюдь: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. М. 1995; Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М. 1984. С. 229–230, 235–236, 241–243, 247, 260–262.